УДК. 394.014
DOI 10.17223/19988613/37/7

Л.Е. Бляхер

СПЕЦИФИКА ЭТНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА «ИМПЕРСКИХ ГОРОДОВ» СССР (СЛУЧАЙ ДУШАНБЕ)

Рассматривается процесс этнизации (освоения автохтонным населением) особого типа городского пространства – пространства имперского города. Под имперскими городами понимается тип поселения, выступающий не столько как порождение территориального сообщества, сколько как элемент имперского Космополиса, инструмент его связи с подвластной территорией. Примером, на котором в статье раскрываются эти процессы, выступает г. Душанбе – столица Таджикской ССР и Республики Таджикистан.

Ключевые слова: этнизация; империя; имперский город; социальное пространство.

Этнизация становится все более значимым процессом, определяющим направление развития городов на просторах распавшейся империи СССР. Под этнизацией мы понимаем феномен вынесения на социальный дисплей (термин образован по аналогии с гендерным дисплеем) неких социальных смыслов, трактуемых и считываемых как этнические. При этом происхождение самих символов не столь принципиально. Этот процесс охватывает самые разные стороны общественной жизни, но, пожалуй, наиболее специфично он проявляется в ходе этнизации бывших «имперских» городов, опорных центров исчезнувшей «империи» СССР.

Наделение Советского Союза смыслами империи связано отнюдь не с позитивной или негативной оценкой исчезнувшего политического образования, но со спецификой его организации. Под империей мы будем понимать политическую форму, выступающую «земным» воплощением «небесного» проекта, в идеале являющегося Всемирным [1]. «Небесный порядок» воплощала Серединная империя. Римский мир (Pax Romana) воплощала империя римская. Да и более поздние империи несли на себе отпечаток имперской (вселенской) идеи [2]. В этом плане Советский Союз, который являлся, по идее, прообразом мира после победы Мировой Революции, был империей. Как и большинство империй, он состоял из достаточно различных в этнокультурном и социальном отношении частей. Их соединение и мыслилось в рамках Всемирного проекта построения коммунизма.

Вполне понятно, что составленный из частей, имеющих существенные культурные, социальные и прочие отличия, Советский Союз, как и любая империя, должен был иметь каркас, который бы скреплял это крайне разнородное пространство. Одним из важнейших элементов этого каркаса была специфическая форма коммуникации, при которой центр был универсальным посредником в любых «горизонтальных» переговорах. О значении центра для имперских структур писалось уже неоднократно [3]. Но трансцендентальные интенции (от Бога, от Небесного порядка, от «объективных законов истории») должны были как-то транслироваться на территорию. Значимый механизм такой трансля-

ции власти на периферию воплощали особые типы муниципий – «имперские города».

Располагаясь на вполне культурно и этнически окрашенных территориях, они были не столько элементом местной структуры, сколько элементом Космополиса, того Мирового порядка, который и воплощала империя. Через имперские города властные импульсы из центра империи доходили до самых отдаленных провинций. Но при всей выделенности из окружающего пространства имперские города создавали и для провинции ощущение причастности к общей судьбе Космополиса, зримый образ Империи, служили средством «обратной связи» между периферией и центром. Конечно, облик имперского города определялся прежде всего его причастностью к Космополису. Но существуя во вполне реальном этнически окрашенном локале, он обретал своеобразие, связанное с самим локалом.

Отсюда и специфика каждого имперского города, как и его судьба после распада империи, определялась той ролью, которую сам этот город и вся империя играли в отношении местного окружения. Эта специфика предопределяла и особенности самого города, и его функцию по отношению к местному сообществу, и характер этнизации, протекающей в постсоветский (постимперский) период.

Под этнизацией мы понимаем обретение городами, прежде не обладающими выраженной этнической спецификой, черт, связанных с освоением городского пространства господствующим этносом. Этот процесс в большей или меньшей степени характерен для всех новых государств – бывших союзных республик СССР. Однако наиболее полно он проявляется в особом типе муниципий – в имперских городах.

В отличие от своих исторических прототипов, имперских городов Священной Римской империи [4], имперские города СССР не обладали особыми свободами, но наделялись особой структурой и функциями по отношению к территории, на которой они располагались. Порой это оформлялось в специальном правовом статусе [5].

Имперский город был проводником интересов империи, в нашем случае СССР, на данной территории.

Это военный форпост или политический центр власти, достаточно четко отграниченный от окружающего пространства. Формы отграничения разнились. Это мог быть особый пропускной режим, как в Севастополе или Владивостоке, прописка в столице союзной республики. Причем не любой столицы, но, как правило, новой или заново построенной. Однако главным отличием был иной (имперский) уклад жизни, резко и видимо отличающий жителей имперского города от населения окружающей его территории.

В старых городах-столицах союзных республик (Рига, Тбилиси и др.), как правило, имперских элементов было меньше, и традиционный, хотя и возникший в годы пребывания в составе Российской империи, облик сохранялся. Как и уклад жизни.

Конечно, имперским городом с особым статусом была и Москва. Но здесь процесс сложнее и находится за пределами нашего рассмотрения. В рамках же рассматриваемой ситуации выделенность имела и социокультурное измерение, сраставшееся с политическим. Население имперских городов формировалось за счет массовых перемещений жителей одних регионов в другие. На новое место жительства прибывали советские руководители, руководители хозяйственные, врачи, учителя, инженеры, квалифицированные рабочие и многие другие. В ходе таких перемещений в одном социальном пространстве оказывались носители самых разных этнокультурных традиций и языков. Вполне понятно, что для публичной коммуникации здесь использовался «язык межнационального общения», русский язык.

Задаваемые общесоюзными принципами градостроительства и жилищного строительства формы жизни в основном воспроизводили официальные доктрины, хотя и с местной спецификой. Этнические особенности жителей имперских городов слабели уже во втором поколении. По воспоминаниям, даже если старшее поколение говорило на русском языке, как на чужом и выученном, то следующее было уже двуязычным, а для третьего поколения родным был уже русский язык.

Возникал некий целостный облик города, части империи СССР и Космополиса. «Все прогрессивное человечество». Его население более всего соответствовало доктрине о новой исторической общности – советском народе. При этом с точки зрения и самих жителей, особенно в национальных республиках, и окружающего сообщества, имперские города – это, прежде всего, русские города. В этом качестве они входили в структуру территориального социума, становились его элементом, пусть даже относительно автономным и выделенным. Но, оставаясь выделенным элементом, имперский город неизбежно вступал в коммуникацию с окружающим его пространством, не только воздействовал на него, но и сам испытывал воздействие, пусть пока не явное, слабое. Ситуация начинает меняться после

распада СССР и образования новых независимых государств.

Имперские города, форпосты и региональные столицы обживаются и осваиваются местным населением [6]. Меняются структура городского пространства, сама семантика города и его элементов. Однако скорость этого процесса, его характер зависят от многих факторов. Один из них связан с функцией, которая приписывалась исчезнувшей империи местным сообществом [7]. Речь идет об имперском городе как Другом, по отношению к которому определялось территориальное сообщество Таджикской ССР, составленное из достаточно разнородных и не особенно дружественных этнических групп и территориальных образований. Влиянию этой функции на процесс этнизации в одном из имперских городов, Душанбе, мы и поговорим в настоящей работе.

Материалами для исследования послужили включенное наблюдение, проведенное автором в 2015 г., сравнение этого наблюдения с опытом жителя города в 60–80-е гг. XX в. (метод автоэтнографического описания), а также серия неформализованных (биографических) интервью, собранных автором в феврале – марте 2015 г. В качестве дополнительного материала использовались статистические данные, содержащиеся на официальном сайте города и Государственного статкомитета Республики Таджикистан (<http://www.dushanbe.tj/ru>, <http://www.stat.tj>). Использовались данные Всесоюзных и республиканских переписей населения (<http://demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php>).

Прежде чем обратиться к описанию процессов этнизации городского пространства в XXI в., проследим, как формировался этносоциальный, точнее имперский облик города, возникшего из трех кишлаков, где базарный день проходил в понедельник (по-таджикски – душанбе), а не в нормальную мусульманскую пятницу. Не менее важна и особенность становления самой Таджикской ССР, возникшей в результате советского, имперского проекта по территориальному размежеванию в Средней Азии.

Восточная Бухара, территории которой и составили основу советского Таджикистана, в минимальной степени была моноэтническим образованием, как и политическим образованием в принципе. Это скорее географический термин, отделяющий горную часть Бухары от относительно равнинной западной части. Здесь жили представители различных тюркских и таджикских этносов, самоопределявшиеся в рамках территориальных сообществ и политических структур (бекств). Отношения между ними не были идиллическими, но существовало пространство переговоров – Священная Бухара, эмирский двор [8]. Здесь, при дворе, определялся баланс сил, велись переговоры представителями территориальных элит.

Космополитический характер города в пространстве мусульманского мира (Бухара – Садик Вселенной), а позже в пространстве Российской империи, делал его

«ничьим», пространством встречи, где переговоры и соглашения возможны. Сама же необходимость переговоров определялась следующим обстоятельством.

В рамках Бухарского ханства (позже эмирата) существовала достаточно сложная иерархия племен и территориальных общин, их функциональное распределение [9]. Как правило, оседлые общины (таджики и «старые турки») занимались земледелием, торговлей, ремеслами. Но условия междуречья Сырдарьи и Амударьи требовали объединения усилий племен и групп. Только это позволяло организовать ирригацию в сложных условиях Центральной Азии. Их элиты и возглавляли хозяйственную деятельность. Кочевники («новые турки») составляли политический класс. Они воевали и защищали, регулировали хозяйственные споры, обеспечивали безопасность торговли и основы благочестия. Договариваться же они могли в Бухаре (на «нейтральной» земле).

В условиях рискованного земледелия и недостатка земли даже незначительные потрясения вызывали длительные войны, голод. Комплексное хозяйство жителей Бухары несколько снижало риски, но далеко не полностью. Дополнительным источником ресурсов была торговля. До периода Нового времени торговля шла по Великому шелковому пути, на котором центральноазиатские города были важнейшим элементом. Перенесение торговых путей на океаны отбросило регион на уровень глухой провинции. В этом плане вхождение Туркестана и Бухары в состав Российской империи стало шансом на выход к новым торговым путям. Однако это же привело к появлению монокультуры – хлопка, что еще более усилило дефицит земли для самообеспечения. В этих условиях возможность договариваться была способом избежать «решения проблемы» силовыми методами, что, впрочем, тоже было не редкостью. Попытка советского правительства, опираясь на своих немногочисленных сторонников, ввести нормы «новой жизни» в Бухарском эмирате нарушила сложившийся баланс сил. Начинается война. Объединяющим элементом, как много позже в Афганистане, стала ненависть к шурави (советским). Басмаческое движение, бывшее до середины 1920-х гг. поистине всенародным, и потребовало наличия таких имперских городов, способных, прежде всего, держать под контролем беспокойные провинции.

Однако выделение Восточной Бухары в отдельное политическое образование потребовало не только нового форпоста, способного держать территорию в подчинении, но и, для местного сообщества, новой же «ничьей» земли, территории, которая проводила бы интересы империи, но, с другой стороны, была бы местом, где территориальные элиты могли бы договориться. Тем более что у самих элит появилась новая, крайне важная функция – перекачка ресурсов из союзной и республиканской экономики в традиционное хозяйство территориальных общин, поддержание их жизнеспособности. Затихание к середине 20-х гг. XX в. и

прекращение к началу 30-х гг. боевых действий в Таджикистане, внедрение основ здравоохранения и прекращение эпидемий привели к демографическому росту, перешедшему в 60-е гг. в демографический взрыв. Наличие имперского города, проводника интересов империи, оказалось крайне важным именно для местного мира.

В условиях разрушения комплексного хозяйства и автаркии поддержание внутреннего мира требовало все новых ресурсов, дать которые могла только Москва. Душанбе и становится пространством, где складывается иерархия общин, где ведутся переговоры, где ресурсы на «развитие социалистической экономики Таджикской ССР» перенаправляются на нужды «настоящей жизни», традиционного уклада общины. Город стал тем «другим», который позволял структурировать окружающее пространство. Он выступает имперской оболочкой, внутри которой живет и развивается качественно иное общество.

Город Душанбе – столица Таджикской ССР и столица современной Республики Таджикистан – возникает из группы кишлаков в 1924 г., а типичные черты азиатской столицы союзной республики обретает в 40–60-е гг. XX в.

Хотя «восточные мотивы» в архитектуре Душанбе присутствовали постоянно, по своим архитектурным особенностям застройка была типичной «сталинской» [10]. Широкие центральные улицы, дома с колоннами и арками, парки с политически правильной парковой скульптурой, воспевающей человека труда, и т.д. Постепенно Душанбе обретает и необходимые для столицы внешние атрибуты: помпезные здания ЦК партии и Совмина, базовые вузы и театры, библиотеки и НИИ, больницы и универмаги. Центр города становится «национальным по форме и социалистическим по содержанию» [11].

Этнические группы присутствовали в пространстве города, однако располагались в основном на окраинах и в пригородах. Автор этих строк проживал в районе, который в послевоенные годы назывался «немецким поселком» и населялся высланными поволжскими немцами. Рядом с ним располагался «корейский поселок», возникший в сходных обстоятельствах в первые послевоенные годы. Существовали компактные районы проживания осетин, чеченцев, других депортированных народов.

Представители титульной нации присутствовали в городе в двух качественно различающихся статусах: руководство, необходимое национальной республике, и новые переселенцы. Первые были в значительной мере русифицированы, вторые – подлежали русификации. При всем том, что взаимодействие между имперским городом и его таджикским окружением осуществлялось, процесс этот до середины 60-х гг. XX в. протекал довольно медленно. Рост населения города осуществлялся более за счет внешних по отношению к республике переселенцев, в большинстве своем русскоязыч-

ных. Местные жители, попадая в город, оказывались в русскоязычной среде и вынуждены были приспособляться, усваивать «цивилизованные», «культурные» (имперские) формы быта, русский язык. Важно и то, что русский язык не номинально, а фактически оказывался языком-посредником. Он позволял местным элитам создавать ту защитную оболочку, которая предохраняет «тело» местного сообщества, составленного из сложнейшего и тончайшего механизма межэлитных договоров, от внешнего воздействия. Ведь «руководство республики» составляли выходцы из конкретных групп и кланов, конкретных областей. Здесь они выстраивали свою иерархию, не видимую, не осознаваемую, да и не интересную имперской власти. Для империи важны лишь спокойствие в провинции и лояльность элиты. Важно, чтобы все внутренние (местные, локальные) особенности были скрыты имперской оболочкой. Душанбе и позволял это реализовать. Империя имела город, проводивший властный импульс в провинцию, а провинция имела место, где элиты могли договариваться друг с другом и с самой империей.

Ситуация начинает меняться в 1970-е гг. Взрывообразный рост в 1960–1980-е гг. усложнил структуру городского пространства. К «старому городу», вполне сложившемуся к началу 1960-х гг., добавились пригородные поселки, сохраняющие привычные формы социальной организации, напоминающей традиционную общину, районы «хрущевской» застройки. А в конце 1970-х и в 1980-е гг. появляются «новые микрорайоны». Эти четыре подпространства различались и в культурном, и в этническом отношении.

В «старом городе» до последних лет существования СССР преобладало русскоязычное население, однако значительный процент составляли представители таджикской партийной и хозяйственной элиты. Последние, как правило, тоже были русскоязычными в публичной сфере, получали образование в лучших вузах республики и страны на русском языке. Для таджикского языка, кроме, собственно, домашнего общения, здесь отводилась особая и вполне фиксированная сфера «национальных особенностей». Преобладание русского языка и имперской культуры было ощутимым. Существовали таджикские школы (с обучением на таджикском языке), но учить детей предпочитали в «русских». Причем безотносительно к этничности родителей. Существовали газеты и журналы на таджикском языке, но тираж их почти в 2–3 раза уступал «русским» изданиям. Хорошие переводчики с таджикского языка на русский пользовались гигантским спросом у многочисленных таджикских поэтов. Таджикское население предпочитало классические образцы таджикско-персидской словесности.

Вполне понятно, что в бывших пригородных поселках преобладали, хотя до конца 1970-х гг. и не абсолютно, таджикское население и таджикский язык. Значительная доля русскоязычного населения окраин [12], как правило, владела зачатками таджикского языка и

охотно перенимала у «местных» формы организации жилища, быта, кулинарные традиции и т.д. Именно здесь сложился своеобразный «лингва-франка», который и был языком общения горожанина с «кишлачным» жителем.

В городских районах, возникших в 1960-е гг. («хрущевская и брежневская» застройка), преобладало русскоязычное население. Это были рабочие и инженерно-технические работники возникающих в этот период многочисленных промышленных предприятий («Таджиккабель», «Ремстройдормаш», «Масложиркомбинат», цементный завод и др.). Здесь селились врачи, учителя и другие агенты строительства «социалистического образа жизни». Эти люди в значительной степени прибывали из России и других советских республик, не были местными. Они ехали уже не в вагонах или телячьих вагонах, но «по комсомольской путевке», «по распределению», да и по собственному желанию. Не случайно в тот период популярной была песня А. Ленского со словами «Хорошо в Таджикистане! Приезжайте, друзья, погостить. А понравится вам в нашем крае, оставайтесь работать и жить».

Вполне понятно, что в социальном отношении эти районы радикально отличались от «русских» районов «старого города» (центра города). Здесь проживали не «сливки», а «снятое молоко». Именно в этих районах более всего укоренялись советские, т.е. в местном представлении «русские» формы быта, кулинарные традиции и способы общежития. Показательно, что традиционные для окраин город сады, отгороженные жителями нижних этажей с топчанами и, часто, с тандырами (национальными печами), здесь встречались относительно редко. Здесь почти не строились «таджикские» школы, крайне редко звучала таджикская речь.

Наиболее «смешанными» были новые микрорайоны, возникшие в конце 1970-х – 1980-е гг., причем «смешение» здесь было не только русско-таджикским, но и выходцев из разных районов Таджикистана. Здесь «русская» застройка начинала «этнизироваться» еще в период существования СССР. Во дворах многоэтажек возводились национальные печи – тондыры, устраивались личные сады с топчанами и т.д. Столь же смешанным было и население. В этих районах наблюдался определенный паритет между имперским и таджикским элементом. Кстати, именно здесь чаще всего возникали конфликты на этнической и региональной почве, а сами районы имели в городе «нехорошую» репутацию. Причина более или менее понятна. Оказываясь в «чужом» мире, выходцы из разных областей, групп или кланов получали не только необходимость осваивать нормы этого мира, но и возможность относительно бесконфликтной коммуникации. При этом возможности жить «среди своих» попросту не оказывалось. По мере увеличения числа «пришлых» такая возможность появляется. А рядом со «своими» сразу же оказываются «чужие». При этом со-

крашающееся пространство «русского города» уже не всегда могло разводить конфликтующие силы. Они начинают прорываться наружу.

Такая специфика отражала изменения и в этническом составе столицы республики. До 1979 г. в городе преобладали русские и русскоязычные жители. Причем до середины 1970-х гг. это преобладание было подавляющим. Русские и русскоязычные жители составляли более 60% населения города. Местное население, вливаясь в число горожан, вынуждено было осваивать «русские» (городские) формы быта, русский язык. Таджикский язык вытеснялся в частную сферу, а национальные формы быта воспринимались как показатель недостаточной «культурности» их носителя (кишлачные).

Тем не менее таджики как этническая группа за послевоенные годы увеличилась с 18,7% в 1959 г. до 38,2% в 1989 г. При этом процент русского населения города снижается с 47,8 до 32,9%. Причина проста. Наиболее мощный демографический рост в республике отмечался в основном в сельских районах. Здесь на одну женщину детородного возраста приходилось до шести детей, тогда как в городе этот показатель был чуть больше трех. Происходит засоление почвы, площади, занятые под сельскохозяйственные нужды, постепенно сокращаются. Село постоянно выбрасывало из себя «лишнее» население. Попытка организовать в сельских районах республики промышленные предприятия, организовать строительство промышленных гигантов (алюминиевый завод, азотно-туковый завод, строительство ГЭС и т.д.) чаще приводила к «завозу» рабочих из других регионов и республик СССР, чем позволяло задействовать местное население. Переезд же в Душанбе автоматически поднимал статус человека, позволял ему, используя родственные связи, устроиться в особо престижные сферы (государственную службу, правоохранительную структуру, торговлю). Но даже если этого не происходило, проживание в столице наделяло приезжего более высоким статусом. Тем самым рост населения города обеспечивался в этот период именно выходцами из кишлаков.

Такое существенное увеличение носителей иной по отношению к горожанам культуры не могло не сказаться на городском сообществе в целом. К 1980-м гг. процесс этнизации окраин шел достаточно активно, а таджикский язык начинал отвоевывать себе место в публичном пространстве. Начинается постепенное освоение местным населением центра города уже не как «национального по форме», а просто этнического. Возникает своеобразный культурный дуализм, когда две культуры сосуществуют в одном социальном пространстве, старательно не замечая друг друга. Имперская (русская) культура присутствует в рабочих районах и бульварах, в театрах и библиотеках. Таджикская культура – на рынках и в высоких кабинетах, ресторанах (чайхонах) и в «советской торговле». Все меньше оставалось «ничьей» земли, где было можно догово-

ряться. При этом внешняя форма имперского города, как и «русская» оболочка, сохранялась.

Однако меняется ее суть. Местное сообщество с его внутренней конфликтностью окутывает все более сужающуюся имперскую сферу, начинает конкурировать с ней за лидерство. Тем не менее город осмыслялся округой и мыслил себя именно как русский город. Сама же русскость оценивалась как условие модернизации, прорыва современности и т.д. [13].

Имперский город был не только имперским фасадом республики. Существовала не менее важная функция для внутренней структуры республиканского общества, причем не одна. Город при всей его выделенности из окружающего пространства, а может быть, и благодаря этой выделенности, обретал еще одну политическую функцию русского (имперского) города и самих «русских» (русскоязычных проводников имперской политики) в расстановке сил в республике. Они (горожане, жители Душанбе) представляли собой не только «ничье» пространство имперского города, где местные элиты могли договариваться или выстроить необходимые отношения с империей, но и «ничье племя», неизбежно вступающее в союз с победителем.

В условиях, когда подавляющего превосходства ни одно территориальное объединение получить не могло, а силы были примерно равны, только в этом союзе было возможно управление. Империя гарантировала политический мир и управляемость в республике. Структура этого союза была тоже достаточно своеобразной. Несомненными участниками социального пространства имперского города были представители территориальных (региональных, племенных и т.д.) элит. Они русифицировались, получали соответствующее образование, занимали соответствующие посты. В этом качестве они выстраивали взаимодействие с «русским» окружением и с империей за пределами республики. Но при этом они оставались участниками территориального объединения, местного сообщества. Более того, именно они его возглавляли *de facto*. Соответственно, именно в пользу этого сообщества перераспределялась большая часть ресурсов, выделяемых империей. Именно члены данного территориального сообщества активнее всего осваивали имперский город и его иерархию. Но рядом с ними продолжал существовать город «простых советских людей», представителей «новой исторической общности». Он включал их в себя, через них вступая в «союз» с победителями. Большую часть советского периода таким объединением-лидером были «северяне», жители Ходжента (Ленинабада).

Впрочем, лидерство было не абсолютным. Иные объединения имели свои сферы влияния в имперском городе. Скажем, силовые структуры в основном пополнялись выходцами из Кулябской области (южная часть Таджикистана). Торговлю контролировали жители центральных районов республики («гиссарцы»). Значительную часть творческих профессий «привати-

зирования» выходцы из Памира (ГБАО). Однако держателями основного ресурса (партийные и хозяйственные руководящие посты) были именно победители. Поскольку же их формальный статус был статусом имперского города, то они стягивали к себе и его «русскую» часть. Возникали устойчивые формы внутренней коммуникации, образующие структуру имперского города.

Правда, по мере того, как поток ресурсов в Таджикскую ССР начинает сокращаться, снижается и лояльность элит. Сокращавшихся ресурсов на поддержание мира уже не хватает. Перераспределение ресурсов из легальной экономики в настоящую, воспринимавшееся как местная нерасторопность или бесхозяйственность, становится видимым. Знаменитое в свое время «узбекское дело», расследуемое Гдьяном и Ивановым, было проявлением этого феномена. Элиты напряженно ищут дополнительные ресурсы. Одним из направлений поиска было увеличение количества должностей, которые могли бы занять выходцы из местных сообществ.

Однако исчезновение империи привело к катастрофе [14]. Территориальные объединения, лишившись пространства-посредника, вступают в прямое силовое противостояние. Показательно, что борьба велась прежде всего за господство над Душанбе. Боевые действия «между своими» привели к массовому оттоку русскоязычных жителей. В результате и начинаются процессы «окончательного освоения» города местным этническим элементом, но одновременно идет и неожиданный процесс «вторичной русификации», реинкарнации имперского города.

За постсоветские годы, включающие в себя и трагедию гражданской войны, этнический состав города изменился радикально. Уже принятие в 1989 г. закона о государственном языке и переводе делопроизводства на таджикский язык вызвало массовый отток русскоязычного населения. Погромы в Душанбе в феврале 1990 г., последующее вооруженное противостояние превратили этот отток в бегство. Прежнее население покидало город, который заселяли новые жители. В связи с этими процессами процент этнических таджиков в составе жителей города увеличился до 84,4%, а численность русских и русскоязычных жителей сократилась до 6,2% (чуть более 40 тысяч в почти в 700-тысячном городе). Казалось бы, мы имеем вполне однородный в этнокультурном отношении город, и процесс этнизации в нем должен идти к своему логическому завершению. Собственно, наличие процесса этнизации Душанбе и выступало для нас предварительной гипотезой исследования.

Для проверки этого обстоятельства нами было предпринято в феврале – марте 2015 г. эмпирическое исследование, включающее в себя включенное наблюдение и серию неформализованных интервью (9 интервью) с жителями г. Душанбе. В число респондентов вошли работники СМИ Республики Таджикистан, преподаватели Таджикского национального университета

и Таджикско-Российского (Славянского) университета, предприниматель и государственный служащий. Восемь из девяти респондентов были этническими таджиками. Один респондент был русским, но родившимся и выросшим в Душанбе. Интервью строились в форме свободной беседы (биографические интервью). Задача – отразить все темы, выделенные в путеводителе. Сам путеводитель строился на основе изучения статистических данных, журналистских статей о современном Таджикистане и т.д., «вторичных материалах». Первое впечатление говорило в пользу того, что процесс этнизации городского пространства стремительно нарастает.

Внешние изменения в облике города значительны. Переименованы улицы. Имена советских лидеров сменили исторические лица персидско-таджикского периода. Проспект Ленина переименован в проспект Рудакки. Площадь Ленина – в площадь Исмаила Самани. Множество переименований произошло на окраинах города. Идеология великого прошлого, виртуальной империи, которую воплощает и наследником которой выступает современный Таджикистан, зримо присутствовала. Причина здесь прозрачна. Для того чтобы застраховать себя от возможного повторения кошмара гражданской войны, нужно на какой-то основе объединить племена и роды. Исчезнувшая «империя таджиков» и должна была выступить такой основой.

Однако, по утверждениям информантов, в обиходе жители используют «старые» названия. Более того, использование старых названий выступает своеобразным «городским шиком», показателем принадлежности к избранному сословию. Новые строения, призванные символизировать исчезнувшую империю Саманидов, в изобилии появившиеся в центре города (президентский дворец, национальный музей, библиотека и т.д.), оказываются еще менее «национальными по форме», чем строения «старого Душанбе». Скорее, по стилю они следуют в фарватере новой «московской архитектуры», что вполне логично для имперского города, но не особенно логично для столицы национального государства.

Вопреки ожиданиям роль русского языка и русской культуры, точнее культуры прежнего, русскоязычного населения Таджикской ССР, остается значительной. Жители в большинстве своем владеют русским языком, активно используют его в повседневной коммуникации. Двуязычие выступает своего рода показателем «городского» уровня образования. Русский язык остается языком науки и техники, ведущим языком в СМИ, языком супермаркетов, кофеен и т.д. На таджикский язык (судя по наблюдениям) жители переходят при обсуждении религиозных, семейных проблем, проблем «своей» территории, некоторых бытовых проблем.

В городе повсеместно встречаются вывески на русском языке. В чайханах (этнических кафе) подают европейские столовые приборы, чего не было за пределами центра города и в советские годы. Во многих слу-

чаях расплата за товары и услуги вполне охотно принимается в российских рублях.

Хотя женщины активно носят хиджаб, в целом, особенно у мужской части горожан, национальная одежда встречается эпизодически. Предпочтение отдается «русской» одежде. Попытка перейти в ходе беседы на английский, а не на русский язык, встречала непонимание. Этим, кстати, один из респондентов объяснил привлекательность России в качестве места для трудовой миграции: *«Наши пробовали ездить в Эмираты, в Саудовскую Аравию. Но там нужен или арабский, или английский. Индусы или марокканцы таджиков по этому признаку сразу вытесняют. Вот русский язык у нас до сих пор как-то знают. Поэтому в России проще устроиться. Мы понимаем все проблемы. Но другие направления пока не выходят»* (женщина, 36 лет, образование высшее, преподаватель).

Этот мотив присутствовал и в других интервью. Правда, приобретал политико-идеологическую окраску. Большая часть респондентов отмечала, что политически и культурно они ориентированы на Россию. Говорили о том, что именно русская культура воспринимается в Таджикистане как квинтэссенция европейской, культурой просвещения.

«Сегодня не так часто встретишь человека, с которым можно вот так, культурно и цивилизованно поговорить на русском языке. Очень много кишлачных появилось в последнее время. Но они тоже учатся. Сам город учит» (мужчина, 43 года, образование высшее, преподаватель). На распространенность русского языка, прежних названий в городе указывали почти все респонденты. Это соответствовало и наблюдению автора этих строк.

«Новые названия часто только в государственных документах используют. Люди чаще называют, как раньше: «Зеленый базар», «Проспект Правды». Иногда сначала новое название скажут, а потом старое, чтобы было понятно, о чем говорит» (мужчина, 36 лет, предприниматель, образование высшее).

Тем болезненнее воспринималось нежелание современной российской политической элиты «учитывать интересы Таджикистана», «видеть в нас равных партнеров». Эти настроения в том или ином виде встречаются во всех интервью. Обида на Россию и одновременно постоянные заверения в дружбе с Россией и русскими являются лейтмотивом и в СМИ Таджикистана.

В интервью отмечалось, что *«руководство республики полностью поддерживает ориентацию на Россию»*, *«видит в России основу стабильности ситуации в Таджикистане»*. При этом аналогичную позицию высказывал и респондент, чьи бизнес-интересы были полностью связаны с КНР: *«Опасаясь, что китайцы вытеснят все русское, тогда будет сложно»* (мужчина, 36 лет, предприниматель, образование высшее). На просьбу интервьюера конкретизировать опасения последовал ответ: *«Китайцы наших особенностей не*

знают. Они деньги делают. Выжмут все соки и уйдут. А нам здесь жить».

По наблюдениям, ситуация несколько более сложная. Инвестиции в экономику Таджикистана со стороны КНР есть. Они видны и в новых домах, построенных китайцами, дорогах и т.д. Однако их объем не позволяет компенсировать две основные статьи дохода населения страны: афганский трафик и переводы гастарбайтеров. Соответственно, «уход» России может дать резкое снижение и без того не особенно высокого уровня жизни в Таджикистане. Есть и личные опасения, связанные с тем, что сегодня именно «русифицированные» жители обладают преимуществом, занимают господствующие позиции. Смена геополитических координат может стоить им положения. Этот мотив тоже проявлялся в интервью.

Государственный служащий первоначально попросил беседовать на таджикском языке, но вскоре сам перешел на русский. По его мнению, *«для Таджикистана Россия занимает особое место. Это не просто одна из дружественных стран. Для нас – это гарант стабильности в Республике»* (мужчина, государственный служащий, 49 лет, образование высшее).

При этом территориальное противостояние, несколько сглаженное общим нежеланием повторения гражданской войны, сохраняется. Все респонденты отмечали, что первичной для них является «областная идентификация». *«Я – канибадамец (город в северной части Таджикистана. – Л.Б.), а уже потом таджик. Точнее сказать, мы, северяне, и есть таджики. В южных очень много тюркской крови. Даже фамилии у них тюркские. А сегодня они нам навязывают эти фамилии как самые таджикские. Смешно же»* (мужчина, 46 лет, работник СМИ). Сходные мотивы с иной привязкой присутствовали и в остальных интервью. *«Кулябцы всегда были основой таджикской нации. И всегда северяне, узбеки, которые прикинулись таджиками, нас оттесняли. Сегодня наступило наше время. Хотя мы всем стараемся дать жить»* (мужчина, 47 лет, образование высшее, преподаватель).

Три основные группы – южане, северяне, памирцы – дробятся на множество более мелких объединений. Все они находятся в крайне сложных отношениях друг с другом. История их взаимодействия состоит из более или менее постоянного противостояния. Уже в 70-е гг. XX в. это противостояние выливалось в массовые побоища в еще имперском городе. Это же противостояние выливается в долгую и кровопролитную гражданскую войну как только меняется баланс сил с уходом «русских» [15]. Такие войны, как правило, необычайно длительны и прекращаются, когда возникает новый баланс сил. Пример Афганистана здесь показателен. Наиболее логичным способом прекращения такой войны и выступает включение в империю. Собственно, с идеей выстраивания «виртуальной империи» и приходит Эмомали Рахмон, президент компромисса в условиях, когда сил для продолжения противостояния

в обществе уже не осталось. Но идентифицироваться с империей, исчезнувшей более тысячи лет назад, довольно трудно. Гораздо проще идентифицироваться с империей, которая еще жива в сознании большей части населения республики, – СССР.

По существу, сегодня имеет место некоторое «равновесие» локальных объединений Республики Таджикистан, при котором «правящая» область не имеет подавляющего преимущества над другими. Наличие же международно признанного политического объединения вынуждает их контактировать друг с другом.

Такая ситуация, начинавшаяся с массовых драк между представителями различных областей в 1970-е гг., и привела к междоусобице в 1990-е гг. Для поддержания мира господствующему клану, представляющему областную элиту, нужен союзник. Но не просто союзник. Нужна империя, в пространстве которой можно было бы идентифицироваться [14, 16], нужна империя, которая, как некогда СССР, была бы источником дополнительных ресурсов, перетекающих в Таджикистан. Такой страны не существует. Но империя – особое политическое образование. Она существует в сознании носителей в гораздо большей степени, чем на карте мира. В этом плане СССР жив. С ним идентифицируются, от него отталкиваются. СССР воссоздается и в столице независимой республики Таджикистан. Создается из подручных материалов и «советский народ».

Русские уехали, перестав быть значительной силой. В этой ситуации и формируется слой «таджикских русских» (этнических таджиков, воспринявших русский язык и культуру). Они и составляют основу населения

г. Душанбе. Их «русскость» позволяет части жителей города подняться над локальной идентичностью, сохраняться общему балансу сил в республике. Идентификация в рамках «русского» города Душанбе с его изначальной вырванностью из местных территориальных общностей становится одним из немногих вариантов таджикской политической идентификации, основой для формирования политической нации. Он выступает пространством, где возможны контакт, соглашение.

Крайне показательно в этом плане одно из зданий, построенных в «национальной деревне» на окраине города, своеобразном музее таджикской культуры под открытым небом. К центральной, вполне европейской части примыкают галереи, каждая из которых покрыта орнаментом, характерным для одной из областей Республики. Своеобразный павильон «Дружбы народов», в центре которой находится принципиально чужеродная конструкция, конструкция форпоста исчезнувшей, но живой империи.

Понятно, что эта «русскость» особая, таджикская, в значительной мере имитационная, а клановые социальные практики все сильнее размывают ее. Так, об источниках карьерного роста одного из руководителей в Республике информант сообщил, что он «кулябец» (представитель правящей территориальной общины. – Л.Б.), *кроме того, очень правильно выдал дочь замуж*. Тем не менее на фоне практически полного исчезновения русских как этнической группы, да и русскоязычных, не принадлежащих к титульному этносу «русские», как функция продолжает сохраняться. А с нею сохраняется и осознаваемая «русскость», точнее «советскость» городского пространства Душанбе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2008. 386 с.
2. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А.В. Гордона, под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
3. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.
4. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011. 600 с.
5. Фёдоров А.В. Правовой статус Крыма: Правовой статус Севастополя. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 53 с.
6. Woodworth Bradley D. Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian // *Ab Imperio*. 2006. № 2. Р. 135–162.
7. Дятлов В.И. Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле // Переселенческие общества Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 211–223.
8. Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М.: Изд-во МГУ, 1981. 128 с.
9. Бушков В.И. Таджикский авлод тысячелетия спустя... // Восток. 1991. № 5. С. 72–81.
10. Иващенко Е. Душанбе. Питерская архитектура Востока. URL: <http://ivashenko.today>, свободный.
11. Шарипов И.Ш. Закономерности формирования социалистических общественных отношений в Таджикистане. Душанбе: Дониш, 1983. 142 с.
12. История Таджикской ССР. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. Б.А. Антоненко. Душанбе: Маориф, 1983. 400 с.
13. Вишневский А. Средняя Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996. № 2. С. 131–153.
14. Бляхер Л.Е., Салимов Ф.Н. Таджикистан – проблемный узел Центральной Азии // Полития. 2008. № 2. С. 6–17.
15. Бушков В.И., Миккульский Д.В. «Таджикская революция» и гражданская война (1989–1994). М., 1995. 237 с.
16. Бляхер Л.Е. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // Полития. 2008. № 1. С. 6–16.

Bliaher Leonid E. Pacific National University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: leonid743342@mail.ru

FEATURE ETHNIZATION OF URBAN SPACE "IMPERIAL CITIES" (DUSHANBE).

Keywords: ethnization; empire; imperial city; the social space.

The article discusses the process of ethnicization (development of the indigenous population), a special type of urban space – the space of the imperial city. Under the imperial city of the type of settlement it is understood, not so much as a product of the territorial community, as, as part of the imperial Cosmopolis, the instrument of his connection with the subject territories. An example of that is disclosed

in the article, these processes serve the city of Dushanbe – the capital of the Tajik Soviet Socialist Republic and the Republic of Tajikistan. The empirical material for the analysis of social processes in Dushanbe is the official statistical information, participant observation and a series of biographical interviews with residents of the city. This article demonstrates how to configure the imperial capital of the Soviet space Tajikistan, the role it played in relation to the population of the republic. The author shows, under the influence of some factors, there was a change of the space of the imperial city, how it penetrated ethnic elements as they interact with the imperial structure. As noted in the article, for all the active penetration of ethnic elements in the structure of the city, he remained the center of imperial policy. At the same time for the local population, he was «a Russian city.» An indicator that played Russian and imperial forms of life that were perceived as Russian. Ethnic Russians were in the city and 70-ies of XX century, the largest group of the population. But the share of Russian population by the end of the 80s is significantly reduced, as well as decreases the role in the life of the imperial city of the Republic of Tajikistan. After the collapse of the USSR and the Russian exodus from Dushanbe city is transformed into a mono-ethnic settlement. However, Russian and imperial forms of life disappear. They mastered a new generation of citizens not as Russian, but as urban. As shown in the article, the imperial city served in relation to the local community as an intermediary in the inter-regional negotiations. In the absence of this intermediary negotiations stopped and there is a direct clash, leading to civil war. Awareness of this fact leads to the fact that the particular structure of the imperial city is saved and endowed with new meanings. As a general sense of the former imperial city of Dushanbe serves the sense of space, where negotiations are possible. So, it becomes possible avoidance of direct conflict. It retains the «russian» culture and «russian» space of the city, preserves the orientation of the local elite into an alliance with Russia.

REFERENCES

1. Kaspe, S.I. (2008) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centres and hierarchies: Spatial metaphors of power and Western political form]. Moscow: The Moscow School of Political Studies.
2. Eisenstadt, Sh. (1999) *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsiy* [Revolution and social transformation. The comparative study of civilizations]. Translated from English by A.V. Gordon. Moscow: Aspekt Press.
3. Tilly, Ch. (2009) *Prinuzhdeniye, kapital i evropeyskie gosudarstva. 990–1992 gg.* [Coercion, Capital and European States. 990–1992]. Moscow: Territoriya budushchego.
4. Guseva, T.P. (2011) *Vlastnyye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoye vremya* [Government institutions and positions in Europe in the Middle Ages and early modern times]. Moscow: KDU.
5. Fedorov, A.V. (1999) *Pravovoy status Kryma: Pravovoy status Sevastopolya* [The legal status of the Crimea: The legal status of Sevastopol]. Moscow: Moscow State University.
6. Woodworth, B.D. (2006) Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian. *Ab Imperio*. 2. pp. 135–162.
7. Dyatlov, V.I. (2012) Etnizatsiya gorodskogo prostranstva: popytka opredelit'sya v issledovatel'skom pole [Ethnicization of urban space: an attempt to determine the field of research]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) *Pereselencheskoye obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community]. Irkutsk: Ottisk. pp. 211–223.
8. Arapov, D.Yu. (1981) *Bukharskoye khanstvo v russkoy vostochnoy istoriografii* [The Emirate of Bukhara in Russian oriental historiography]. Moscow: Moscow State University.
9. Bushkov, V.I. (1991) Tadjikskiy avlod tysyacheletiya spustya... [Tajik avlod millennia later . . .]. *Vostok*. 5. pp. 72–81.
10. Ivashchenko, E. (n.d.) *Dushanbe. Pitserskaya arkhitektura Vostoka* [Dushanbe. St. Petersburg Architecture of the East]. [Online] Available from: <http://ivashenko.today>.
11. Sharipov, I.Sh. (1983) *Zakonomernosti formirovaniya sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnosheniy v Tadjikistane* [Laws of formation of socialist relations in Tajikistan]. Dushanbe: Donish.
12. Antonenko, B.A. (1983) *Istoriya Tadjikskoy SSR* [The history of the Tajik SSR]. 2nd ed. Dushanbe: Maorif.
13. Vishnevskiy, A. (1996) Srednyaya Aziya: nezavershennaya modernizatsiya [Central Asia: Independent modernization]. *Vestnik Evrazii*. 2. pp. 131–153.
14. Bliyakher, L.E. & Salimov, F.N. (2008) Tadjikistan – problemnyy uzel Tsentral'noy Azii [Tajikistan – the knotty problem of Central Asia]. *Politiya*. 2(49). pp. 6–17.
15. Bushkov, V.I. & Mikul'skiy, D.V. (1995) *“Tadjikskaya revolyutsiya” i grazhdanskaya voyna (1989–1994)* [“Tajik revolution” and the Civil War (1989–1994)]. Moscow: IEA.
16. Bliyakher, L.E. (2008) Vozmozhno li postimperskiy proekt: ot vzaimnykh pretenziy k obshchemu budushchemu [Is the post-imperial project possible: the mutual claims to the common future]. *Politiya*. 1(48). pp. 6–16.